

**Из книги Назипа Хамитова
"Философия одиночества"**

Из книги Назипа Хамитова "Философия одиночества"

ВЛЮБЛЕННОСТЬ: БЕГСТВО ОТ ОДИНОЧЕСТВА

1

Через чувство юношеской влюбленности проходят все. Оно разом взрывает границы одиночества и устремляет юношу и девушку к обладанию кем-то и чем-то за его пределами.

Влюбленность подобна вспышке в сумерках, но она может возникнуть только в результате напряженного ожидания ее. Она есть росток, который вырвался из набухшего семени в подготовленной почве.

2

Разделенность чувства во влюбленности не главное, важно само чувства. Осуществившаяся влюбленность, по сути дела, есть просто сгущение ее ожидания. Экзистенциальный узелок, завязавшийся где-то в глубинах Я. Мы всегда влюблены в свою иллюзию, в фантазию. Реальный человек, ограниченный телом, возрастом и недостатками, становится лишь поводом для нашего иллюзиотворчества.

Чувство влюбленности многих приводит к бессознательному творческому порыву. Это, как правило, стихотворение, рисунок, песня — то, что выразимо на одном дыхании.

Все мы не раз сталкивались с тем, что творчество влюбленного имеет экзистенциальную значимость лишь для него. Выходя за эти рамки, оно теряет ценность. Дело, вероятно, не просто в отсутствии таланта. Почему? Чем сильнее юноша или девушка отдается творчеству во имя одного лица, желая подарить ему себя и требуя того же взамен, тем сильнее творчество замыкается на одном лице.

В творчестве влюбленного соединяются два несовместимых начала: здесь встречаются творчество-жажда обладать и быть обладаемым с творчеством-свободой во имя любви.

Первое подобно брачному оперению самцов птиц, и в конце-концов есть всего лишь средство для завлечения самки, которое в лучшем случае сдается в семейный архив, а в худшем — выбрасывается. Это творчество является приманкой, за которой скрыт крючок здравого смысла и сексуальной жадности.

Второе наполнено самоценностью и максимально отрывается от конкретного физического лица, создавая не иллюзию, а миф как самодостаточный образ духовной реальности. Такое мифотворчество есть уже факт не влюбленности, а любви, но в неявном, скрытом виде оно проглядывает в любой влюбленности. Неудивительно, что именно трагически сложная влюбленность, порождая одиночество как отстраненность от тела или даже обиды, приводит к более глубоким произведениям. Часто они становятся отправной точкой творческого пути таланта и гения. Взрослея, мы начинаем различать два этих момента творчества влюбленного. Но в юношеском возрасте они слиты. Материальная доминанта первого умолкает в романтической убежденности юности и, лишь теряя ее, мы можем обнажить голос природы, заставляющей нас бежать от одиночества в продолжение рода...

3

Творчество влюбленного юноши поощряется социумом как необходимый этап взросления, этап

романтизма, который растворяется со вступлением во взрослую эротическую жизнь. Поэтому род признает его неизбежным, снисходя до него: так важным признается бутон по отношению к цветку. Однако точно так же, как бутон не считается самоценным, так и романтические переживания юности вызывают у большинства взрослых снисходительную улыбку. Она становится грустной лишь на закате жизни»

Все же юноша поддержан и обнадежен родом в попытках творчески оформить свою влюбленность. В отличие от этого, творчество влюбленной девушки воспринимается настороженно, и женская эмансипация последних полутора веков мало что изменила в этом. Такое творчество возможно лишь как результат отстраненности, и поэтому род не может простить его девушке.

4

Влюбленность есть бегство от одиночества. Юноша или девушка желают обмануться и найти свою половину. Но влюбленность-иллюзия так же легко покидает их, как и приходит. Творчество, вызванное ею к жизни, начинает тяготить вчерашнего творца, он стыдится его, ибо ожидает новую влюбленность. Юноша и девушка носят в себе некий абстрактный идеал, - в XIX веке им был образ литературного героя (героини), в XX веке, как правило, образ киноактера (актрисы), — который прикладывают к многообразному миру сверстников. Однако границы этого идеала достаточно зыбки и деформируются с каждой новой влюбленностью, выступая лишь символом типа мужчины или женщины.

5

Здесь можно вспомнить близкий (и одновременно противоположный) феномен подражания литературному герою и киноактеру, (а также — достаточно редко на сегодняшний день — герою историческому). Такое подражание всегда означает ту или иную степень влюбленности в лицо своего пола, эта влюбленность во многом формирует влюбленность разнополюю, вплоть до того, что задает ей сценарий развития и время жизни,

Однако идеализация общеизвестного лица иного пола значительно сильнее формирует чувство влюбленности: она определяет переживание влюбленности, не игру и кажимость, а бытие и жизнь.

6

В XIX веке эротически идеализируется именно герой (героиня.) как некий духовный принцип, пребывающий за пределами обыденности. Мир кино подталкивает нас идеализировать актера (актрису) — не личность-бытие, а личность-игру, пребывающую в потоке обыденного.

7

Проходя, влюбленность обостряет одиночество юноши и девушки. Двигаясь от одной влюбленности к другой» юноша и девушка углубляют свое одиночества Смена влюбленностей и одиночеств в юности развивает абстрактный и общепринятый идеал (Мерлин Монро, Жана Поля Бельмондо) в нечто более живое и индивидуальное. Часто такое оживление оборачивается снижением идеала, «большей реалистичностью». Однако оно может стать и возвышением идеала. Впоследствии это приводит юношу и девушку либо к стремлению остановиться на случайном избраннике, либо ожидать избранника действительного.

Последнее развивает волю к одиночеству.

ПОИСК ЛЮБВИ: ВОЛЯ К ОДИНОЧЕСТВУ

Любовь отличается от влюбленности уникальностью. Влюбленность — подражательное чувство» разыгранное по древней формуле: «Не хуже других». Каждый, кто влюблялся, знает это, каждый, кто любил, чувствует, насколько чужда подражательности любовь. Любовь не похожа ни на что другое. Мы любим лишь неповторимую личность, не испытывая желания сравнить ее с каким бы то ни было идеалом, эта личность сама является Идеалом.

2

В какой-то момент мы устаем от влюбленностей, мы желаем любви. Чувство одиночества, приходящее после завершения влюбленности, все больше тяготит нас. Это означает переход от юности к молодости, Мы стремимся найти в любви все то, чего мы были лишены в предшествующей ей жизни. И прежде всего нам хочется Абсолютного Преодоления одиночества. Любовь представляется нам единственным чувством, способным победить его. Мы уже видим миллионы брызг, на которые разбивается одиночество, раду, рожденную солнечным светом в этих брызгах, и мы бросаемся в воды любви, ни о чем не задумываясь и никому не подражая — в этом возвышающем падении мы становимся самими собой. Любовь Дарит нам удивительное чувство обретения себя. Мы не хотим казаться, мы хотим быть. Любовь освобождает нас от множества комплексов, в руинах обыденности проступает истинное Я» и пораженные мы не узнаем себя. Любовь возвращает нас к себе; то же чувство могли бы испытать Адам и Ева, возвращенные в Рай.

Творчество, порожденное любовью, всегда выходит за пределы субъективной значимости. Оно слишком экзистенциально напряжено и свободно, чтобы остаться в пространстве экзистенции любящей пары. Творчество влюбленного принадлежит лишь ему, творчество любящего принадлежит любимой и всему миру. Любовь соединяет нас со всем миром и делает значимыми для всего мира.

3

Любовь обычно отделяют от влюбленности ее продолжительностью — до конца жизни. Но это не совсем так. В чувстве любви нам открывается Вечность. Не просто жизнь до старости и желание состариться с любимым или любимой распаивается перед нами, а жажда вечной молодости и жизни после смерти.

Уже одно чувство любви показывает нам, что бессмертие души есть не красивый символ, придуманный боящимися смерти, а реальность, пережитая любящими.

4

Любовь возвращает нам отчужденных в детстве и отрочестве мать с отцом, возвращает в новом омоложенном виде: в поре той молодости, в которой мы никогда не видели мать и отца. Мы сотворяем их новые образы, и Вечность говорит в них. Наши родители становятся иногда ближе, иногда просто понятней. И почти всегда мы постигаем тайну нашего рождения — насколько она причастна к тайне любви.

5

Итак, любовь отделяет юность от молодости. Но переход к любви и молодости, как мы увидели выше, может быть совершенно разным. Можно спокойно ждать, продолжая путешествовать от влюбленности к влюбленности, или узаконить жизнь с кем-то одним. Но можно и двигаться навстречу любви, развивая волю к одиночеству.

Воля к одиночеству в поиске любви означает прежде всего отстраненность от остановки с недостойным и чужим. И уже во вторую очередь — одиночество как отрицание череды увлечений-влюбленностей.

Волю к одиночеству нужно понимать как активное движение на пути нахождения Единственного и Единственной. Воля к одиночеству означает недопущение необратимых связей с нелюбимым и нелюбимой, пусть даже эта необратимость кажется относительной.

6

В идеальном случае воля к одиночеству означает одиночество в эротических отношениях до тех пор, пока человек не найдет любовь. Эротические отношения переносятся в сферу фантазии и творения; в жизни же остается просто общение. Но чаще такая воля выражается в более простой и не менее трагической форме — в стремлении не задерживаться долго с нелюбимым. То, что в Ранней юности дается нам естественно и легко, в молодости требует сильного волевого порыва. Свадьба в данной ситуации выступает актом продажи души дьяволу — она отвращает человека от поиска Любви. Поэтому Дон Жуан и Казанова являются более нравственными в своем поиске любви, чем аккуратный служащий, женившийся на дочери начальника. Поиск любви и неверность нелюбимым прощают все прегрешения Дон Жуана и Казаковы... Однако эротическое одиночество все же не желает отпускать их, и дальше мы постараемся увидеть почему...

Сейчас же важно понять» что любовь есть награда за волю к одиночеству. Больше того, воля к одиночеству — необходимое условие обретения любви. Реализуя эту волю в многообразном мире людей, мы создаем себя, способного любить. Одиночество в юности готовит к влюбленностям, одиночество в молодости вводит нас в мир любви — через творческий поиск неповторимого Идеала внутри себя.

7

Воля к одиночеству всегда означает творчество. Создавая идеал мужчины или женщины, мы творим себя. Мы поднимаем свое Я над прошлым юношеским одиночеством, которое так легко разрушается каждой новой влюбленностью. Мы готовим свое Я к встрече с единственным мужчиной или женщиной, изменяя себя, и без этого изменения любовь невозможна.

Если воля к одиночеству не становится волей к творчеству, она замораживается и застывает, порождая старого холостяка и старую деву. Нет людей, не нашедших свою любовь. Есть люди, не сумевшие быть одинокими во имя любви и не способные сделать одиночество творчеством.

Это творчество принципиально отличается от творчества влюбленного. Оно возникает до возникновения любви и охватывает личность целиком.

Любимые приходят к нам только тогда, когда мы способны увидеть их. А они — нас. Есть глубинная необходимость во встрече любимых, и необходимость эта — высший результат свободы воли, которая становится свободой вдохновения.